



Евгения Рабр

ЖИЗНЬ

как

ЖИЗНЬ

18+

Евгения Фабр
Жизнь как жизнь

«Автор»

2012

Фабр Е.

Жизнь как жизнь / Е. Фабр — «Автор», 2012

ISBN 978-5-532-91743-9

Устав от кровожадных бандитов и беспринципных олигархов Автор обратился к истории любви и становления характеров людей в новых условиях постперестроечного времени. И пусть читателя не вводит в заблуждение серьёзность названия, ведь у каждого есть своя обычная жизнь. Эта романтическая повесть полна любви, юмора и опасных приключений её героев, в чём можно убедиться с первых же страниц. Герои повести, случайно встретившись в начале далёких восьмидесятых, находят друг друга вновь. Пройдя через испытания бедностью и благополучием, они не растеряли своих положительных качеств и оптимизма, что помогло им преодолеть крутые перекаты стремительного течения жизни. Книга будет интересна не только читателям, ностальгирующим по своей молодости, но и их взрослым детям, желающим знать, как и чем жили их родители До и После исчезновения Великой Страны.

ISBN 978-5-532-91743-9

© Фабр Е., 2012

© Автор, 2012

Содержание

ЧАСТЬ 1	6
Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	16
Глава 5	19
Глава 6	21
Глава 7	24
Глава 8	26
Глава 9	29
Глава 10	32
Глава 11	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Евгения Фабр
Жизнь как жизнь

В жизни случайностей не бывает!

Нашей бесшабашной юности посвящается.

ЧАСТЬ 1

Глава 1

Сладко затягиваясь сигаретой «Ява» Варька сидела на крышке унитаза и самозабвенно читала толстую книгу.

– Опять ты книжку читаешь! – раздался раздраженный голос за дверью. – В туалет сходить невозможно, – продолжал ворчать отец. – Уже целый час сидишь.

Она сидела всего минут десять, но точность тут и не требовалась.

– Сейчас. Только в душ схожу.

Варька сделала последнюю затяжку, аккуратно завернула бычок в туалетную бумагу и спустила в унитаз. Затем открыла душ и снова продолжила чтение. Нужно было, чтобы запах свежего табака хотя бы немного выветрился. Холодный душ слегка развеял дым, и Варя увидела в зеркале свое отражение. Вода продолжала шуметь, пока, кое-как заметая следы, она тщательно вымыла руки, прополоскала рот и слегка смочила волосы, чтобы было видно, что она только что из душа. После чего, прираспахнув халат, закрыла кран и вышла из «совмещенного санузла». Варя не беспокоилась об остатках запаха. Отец курил сам, поэтому в квартире всегда стоял застарелый табачный дух. Но расстраивать маму Варя не хотела.

Курить начала Варька с восьмого класса. Пристрастилась она к этой заразе из-за Кита – своей тайной любви. Вообще-то звали его Никита. Прозвище прилипло к нему с первого класса из-за высокого роста. Ради него Варька все время вертелась в их компании с вечными перекурами. Однажды, чтобы обосновать свое очередное присутствие, она попросила дать затянуться. Кит со смехом прикурил сигарету и протянул подруге. Варька, как показывали в кино, небрежно зажала её между пальцами, набрала в рот дым и, надув щеки, важно выпустила его обратно. Мальчишки покатались со смеху. Кит отобрал сигарету, глубоко затянулся, так что в ней что-то заискрилось и зашкворчало, и выдохнул целое облако густого дыма. Кит был высоким красивым малым, и это у него так красиво получалось! Во рту у Варьки было противно и горько. Жгучая слюна вызывала тошноту, но сплюнуть она стеснялась. Кое-как подавив чувство отвращения, Варька решила, что обязательно научится курить так же красиво, как Кит. И... научилась.

Характер у Варьки был «нордический», присущий ярким представителям знака Весов. Варя никогда ни с кем не ссорилась. Вывести её из равновесия было трудно. Но если уж очень доставали, она просто начинала плакать. Плакала она тихо, украдкой вытирая слезы. А плакать было из-за чего. Варькин отец, уволенный в отставку в чине полковника, пил по-черному. Бутылка водки в день была обязательной минимальной дозой. Жизнь в такой обстановке выработала у Варьки два замечательных качества – выдержку и решительность. Возможно, эти черты характера достались ей от отца. Он прошел Великую Отечественную от самого начала до Победы. Отдав всю сознательную жизнь службе Родине, он и пил-т от своей невостребованности и ощущения ненужности. Варькина мать терпела, не потому что была женщиной робкой, а потому что деваться было некуда.

Крохотная двухкомнатная квартирка – это все, что у них имелось после комнаты в коммуналке на Ленинском проспекте. Мама, чтобы как-то обуздать мужа, настояла даже на продаже их дачи в очень приличном месте под Москвой. Варька выросла и провела на этой даче самые счастливые годы детства. А при каждом воспоминании одного из эпизодов тамошней жизни Варька чувствовала, как её щёки начинали полыхать от стыда.

Жаркий день подмосковной середины лета на исходе. В саду на лужайке на мохнатых цветках душистой люцерны спят бабочки. Почти на каждом цветке, сложив разноцветные

крыльшики, тихо дремлют эти небесные создания – от голубых нежных крохотных мотыльков и обычных белых капустниц до шустрых шоколадниц и величавых махаонов.

Из кустов малины появляется маленькая девочка в белых трусиках. На веревочке, перекинутой через шею, висит жестяная банка с чуть приоткрытой крышкой. Девочка осторожно двумя пальцами берет спящую бабочку за сложенные крылья и сует её в банку, потом берёт следующую, выбирая только белых капустниц. Бабочки начинают просыпаться и вяло трепыхать крыльями. Но это девочку не смущает. Усевшись на тёплую от дневного жара землю, она берёт толстую иглу с вдернутой в ушко крученой ниткой и, высунув от усердия кончик языка, начинает нанизывать живых бабочек, делая из них трепещущуюся гирлянду. За этим занятием и застаёт её мама... Мама укоризненно смотрит на девочку.

-Зачем ты их так? Они же живые...

Эта дачка была единственной отдушиной для Варькиного отца, после его увольнения из армии. Он с удовольствием проводил там большую часть года. Обихаживал дом, участок и... пил со сторожем и соседскими мужиками. Варькина мама боялась, что он допьется до белой горячки. Дачу продали за приличные, по тем временам, деньги. Этих денег с лихвой хватило бы на доплату за трехкомнатную квартиру, но они разошлись, не принеся никому ни счастья, ни покоя.

Наступал новый 1977 год. Отец пил по-прежнему, только уже в квартире на глазах у Варьки. Громкие пьяные скандалы доводили её до иступления. Дома Варя старалась бывать как можно меньше и в пререкания с родителями не вступать. Тем более что жизнь вне дома была просто замечательной. Класс, в котором она училась, был сильный и дружный. В школе на Ленинском проспекте собрались ребята, переехавшие из центра города из сносимых старых домов и расселяемых коммуналок. В основном это были дети коренных москвичей, либо поселившихся в Москве еще до войны. Из Варькиного класса вышло восемь медалистов. Со временем почти все её одноклассники окончили институты. А пока жизнь текла весело и беззаботно. Обычно собирались в большой квартире Кита.

В Кита Варя влюбилась первого сентября 1974 года прямо во дворе школы, и не просто первого сентября, а с первого взгляда первого сентября, как только увидела его в числе новичков, переведённых в их 9А из другого микрорайона. С Китом в новую школу перешли ещё несколько ребят, в результате в классе сложились две группировки, лидерами которых стали Кит и Варя. Группировки не враждовали, но присматривались и притирались друг к другу. Первая стычка характеров двух «лидеров» произошла на первом же комсомольском собрании класса. На повестке дня стоял вопрос: выбор комсорга. Были предложены две кандидатуры – Кит и Варя. В результате непродолжительных дебатов, учитывая численный перевес «старичков» и мнение «классной» Серафимы: «Надеюсь, Варя будет принципиальным честным комсоргом», путём открытого голосования была избрана она. А вот старостой избрали Кита. После окончания собрания Кит подошёл к Варе и, ехидно улыбнувшись, переспросил:

– Так, значит, ты у нас принципиальная?

– Ага, – прыгая на одной ножке вокруг своей парты, – кивнула головой Варя.

В конце сентября с целью «сплочения коллектива» Серафима предложила организовать турпоход в какой-нибудь литературный музей под Москвой. Выбрали музей – усадьбу «Мураново», последним владельцем которой был русский поэт Тютчев. Учитывая возраст Серафимы, пойти в поход она не могла, поэтому в Мураново с ребятами пошла молодая преподавательница химии, тем более что именно там, буквально в двадцати минутах ходьбы от усадьбы была её дача. Школьный поход – это всегда одно и то же: комары и песни у костра, макароны с тушёной и втихаря распитая бутылочка лёгкого вина или водки (в зависимости от испорченности «детшек»). Но самое интересное – это ночёвка. Вот тут-то и выясняется всё самое сокровенное: кто и с кем исчез в чаще леса, как распределились места в палатках, ну и ещё много чего любопытного.

В этот раз всё было значительно прозаичнее: по причине разгара осени комаров не было, ночевали не в палатках, а на мешках с картошкой, сваленных на дощатой веранде старенькой дачи. На картошке спать было неудобно и холодно. Все старались улечься поплотнее и потеснее прижаться друг к другу. Варя, натянув на голову широкий ворот свитера, и обняв толстую тёплую Ленку, только решила подремать, как в полной темноте кто-то бесцеремонно втиснулся между ними. Кит сгрёб тоненькую Варю в охапку и рывком прижал к себе. Сердце её и так билось через раз, а тут почти остановилось. Кит тихонечко целовал её руки, лоб, щёки. От пыльных мешков шёл тяжёлый запах земли, но Варя задыхалась не от него.

Утром видение исчезло. Варя так и не поняла, что это было. Ребята злые и не выспавшиеся собирались домой. Ночью выпал первый сентябрьский снег, в ведрах замёрзла вода, и невозможно было даже ополоснуть лицо. К электричке брели гуськом, отворачиваясь от холодного утреннего ветра. Жарко было только Варю. Она исподволь поглядывала в сторону Кита, но он был совершенно невозмутим. От этого Варю было ещё обиднее. Так и тянулась эта непонятная любовь весь девятый класс. Кит вообще не обращал внимания на Варю, и как она ни старалась, он лишь изредка бросал в её адрес едкие замечания. «Кривая» успеваемости Вари поползла вниз. В присутствии Кита у неё начинали дрожать руки, и откуда-то появлялось косноязычие, одним словом – все признаки сильнейшей влюблённости.

Только в конце девятого класса отношения их потеплели. Самолюбивый Кит перестал видеть в Варю соперницу и у них наладились вполне сносные отношения, перешедшие позже в дружбу. Варя оказалась «своим парнем» и никогда не напоминала Киту о той ночи, хотя сама с замиранием сердца часто грезилась о ней, пуская одинокую слезу над сонетами Шекспира. Боясь нарушить то хрупкое равновесие, которое установилось между ними, Варя не позволяла себе никаких внешних проявлений любви. Только снился он ей почти каждую ночь.

Родители Кита были людьми занятыми, увлечёнными наукой и искусством. Мама, окончив Московскую консерваторию, пошла по административной линии и заведовала репертуарным отделом Большого театра. В свободное время она пела в народном оперном театре ДК Железнодорожников том самом, который по легенде был построен на бриллианты, найденные в одном из двенадцати стульев. Папа был доцентом и преподавал какую-то техническую дисциплину в Московском лесотехническом институте. Они часто ездили в заграничные командировки, откуда привозили редкие вещицы, каких не было в московских магазинах: ГДРовские синие джинсы, о которых мечтал каждый мальчишка, редкие пластинки, деликатесный алкоголь с яркими непонятными этикетками и прочие штучки. Будучи творческими людьми, они не мешали ребятам в их «невинных детских забавах» и часто сами принимали в них участие. Сначала простой Кинг, а потом Преферанс и Бридж стали любимыми «интеллектуальными» развлечениями их молодёжной компании. Кроме того, большими праздниками и поводом для вечеринок были дни рождения.

День рождения Кита и его младшего брата Михи праздновали в один день, потому что оба родились в марте. Только в этот день собирались вместе друзья Кита и Михи. Во главе стола обычно сидели родители, если не «смывались» от забот на дачу. Они знали кучу смешных историй из театральной и научной жизни Москвы и рассказывали их в лицах так, что все покатывались со смеху. Варя стала постоянным и желанным гостем в этом доме. Родители Кита видели в ней потенциальную невесту. Не видел только Кит. Для него Варю была просто отличным парнем. В компании, под какой-нибудь зажигательный «сингл», она могла на спор раз пять без перерыва протанцевать, не повторяясь в движениях с ней можно было расписать пулю, в сумерках у походного костра поделиться наболевшим, поплакать «в жилетку» и она обязательно поймет. В общем – классная девчонка, ещё и симпатичная. Но не больше.

Варя была натурой увлекающейся. Больше всего она любила танцевать. К девятому классу она почти окончила балетную школу Народного театра при районном Доме культуры и даже станцевала партию Кляксы в детском балетном спектакле. Для классического танца дан-

ные Вари не дотягивали, но характерные шли у неё прекрасно. У неё был тот кураж, который придавал народным танцам живость и колорит. В школе Народного театра работали педагоги и балетмейстеры из Большого, поэтому там было всё вполне серьёзно – будьте добры пять раз в неделю являться на занятия и пахать до седьмого пота. После окончания школы наиболее способные выпускницы поступали в известные танцевальные ансамбли, а особо одарённые – в хореографическое училище Большого театра. По поводу Вари уже велись переговоры с танцевальной группой хора Пятницкого, как неожиданно Варя оставила балет, сославшись на занятость в школе. На самом деле Варя просто не захотела навсегда связать свою жизнь только с танцами, тем более век танцовщицы короток. Была и ещё одна причина, но это была тайна её сердца. А она очень подходила для этого ансамбля: тонкая, упругая, с длинной светлой косой, с широкими, будто нарисованными, тёмными бровями, Варя была просто красива.

Ничего не сказав маме, Варя поступила в театральную студию при районном Доме пионеров и школьников, куда ходило уже полкласса. Ходил туда и Кит. В первой же постановке спектакля про революцию Варя получила небольшую роль в несколько слов, зато, в отличие от «революционеров», она выглядела великолепно: на ней было красивое длинное платье, короткая шубка и меховая шапочка, отороченная белым мехом.

В день премьеры Варя, проговорив свои реплики, удалилась за кулисы. Пробираясь в крошечной темноте, она осторожно нащупывала ногой ступеньку, когда неожиданно кто-то подхватил её на руки и чьи-то губы прижались к её губам. Варя показала, что она теряет сознание. Это был её первый поцелуй.

Глава 2

Неприятности у Варьки начались в десятом классе. На очередном дне рождения Кита Варя решила признаться ему в своих чувствах. Носить этот неразделённый груз у неё больше не было сил. Стены и потолок квартиры вибрировали от грохота колонок «Панасоника». Родители, понимая, что покоя не будет до поздней ночи, как обычно, посидев за столом и пожелав всем счастья и удачи, отбыли за город, убедительно попросив сына не оставлять беспорядок и грязную посуду. Под нескончаемый рёв музыки Анька целый вечер висла на плечах Кита. И, как ни старалась Варя отвлечь его внимание от настырной Аньки, у неё ничего не получалось. В конце вечеринки Варя поняла, что поговорить с Китом сегодня не удастся. Не та обстановка. Но, к её изумлению, вечеринка неожиданно закончилась. Кит, оторвав от себя прилипшую Аньку, отправил всех девчонок мыть посуду, потом со словами: «Щас начнут стучать по батарее» «вырубил» «Панасоник». В наступившей тишине был слышен шум воды и звяканье посуды. Наведя порядок, гости начали разбредаться. Варя уже надела пальто, когда подошёл Кит и попросил её не торопиться.

– Я провожу тебя.

Она удивлённо посмотрела на Кита.

– Пойдём, проветримся. Сейчас всех выпровожу и пойдём.

Варя, не снимая пальто, прошла в комнату. Кит никогда не провожал Варю домой. Она не знала, что и думать, но раз так случилось, она решила использовать этот редкий шанс.

Холодная мартовская ночь не располагала к лирике. Кит, как всегда, хохмил и ёрничал.

– Залезаю в автобус, а там народу битком. Сзади мужик лезет и кричит: «Люди, подвиньтесь, а то я стою на одной ноге». А в ответ ему голос: «Мы все на одной ноге стоим». А я и говорю: «И эта нога моя». Тут весь автобус как «грохнет»!

Варя смеялась тоже. У её подъезда они остановились. Уходить оба не спешили. Стоя друг против друга, они молча подняли головы к холодному звёздному небу. Неожиданно Кит обнял Варю и поцеловал в губы. Она неумело ответила и замерла. От помойного контейнера, стоящего напротив подъезда, несло какой-то тухлятиной.

– Я люблю тебя, – прошептала она, понимая нелепость и несоответствие места и смысла, произнесённых слов.

Кит отпрянул и внимательно посмотрел на Варю. Её откровение было словно гром среди ясного неба. Варя не разбитная Анька, тут всё серьёзно, тут нужно жениться. Помолчав, Кит спросил:

– И как будем дальше?

– Я измучилась. Мне нужно или всё, или ничего, – твёрдо ответила Варя.

А что «всё», а что «ничего»? Ведь вообще ничего не было – одни мечтания. Откуда в такой хрупкой девушке вдруг такая жёсткость! Да просто от неопытности. Нельзя же так пугать мужчин, тем более юных. А ведь она имела в виду всего-навсего чувства! Ни постель, ни секс, ни брак, а пока только чувство взаимности. Конечно, Варька ему нравилась. Нравилась с первого дня, как её увидел. Она стояла на ступеньках школы в белом кружевном фартуке с маленькими крылышками на плечах и трепалась с девчонками. Длинные светлые волосы, перехваченные широкой лентой, и огромные серо-зелёные глаза, на персиковом от летнего загара лице, могли свести с ума кого угодно. Таких глаз, как у неё, и тёмных, по-восточному сросшихся, бровей не было ни у одной. Но жениться, да ещё сразу после школы, в планы Кита не входило. А собственно, что входило в планы Кита, не знала не только верная подруга Варька, но и его родители. Кит провёл рукой по щеке Вари, смахивая капли воды от плачущих на крыше сосулек, и, ни слова не говоря, ушёл в ночь.

Дома Варя, не раздеваясь легла поверх одеяла, и, свернувшись калачиком, пролежала так до утра. Она не плакала, а со страхом думала о том, что если уйдёт переполнявшая её любовь, то чем заполнится пустота, которая образуется внутри. Как жить с этой пустотой? С этого дня они почти не разговаривали. Встречаясь в школе, лишь перебрасывались несколькими, ничего не значащими репликами и расходились по своим местам.

Следующим ударом была потеря Золотой медали. В школе Варвара была одной из лучших. Почти все годы учебы её любимым местом была первая парта в крайнем ряду поближе к двери. Именно в эту сторону реже всего падал требовательный взор учителя. Но даже сидя под его носом, она умудрялась читать во время урока постороннюю литературу. Преподаватели особенного внимания на неё не обращали и лишь для порядка делали замечания, потому что знали, что она готова была отвечать в любую минуту на любой вопрос. Варя уверенно шла на золотую медаль.

Все началось, когда классная Серафима застучала мальчишек в туалете за игрой в очко. Среди них, конечно, был Кит. После уроков весь класс оставили на собрание. Сначала Серафима долго отчитывала нарушителей школьной дисциплины, а потом начала объяснять, что азартные игры – это плохо. Исчерпав запас доводов, Серафима решила, что одна из лучших учениц класса должна поддержать её и осудить поведение проштрафившихся. Варька, как всегда положив книгу на колени, читала что-то под партой и пропустила мимо ушей весь монолог Серафимы.

– А что скажет Варя? Что она думает об этом безобразии? – вдруг услышала она голос Серафимы. Варя оторвалась от книжки и подняла голову. Серафима в упор смотрела на неё. – Ну, что ты думаешь об этом?

Варя, наконец, собралась с мыслями. И её понесло. Накануне она прочла в журнале «Наука и жизнь» большую статью профессора математики Китайгородского о пользе карточных игр. Смысл статьи сводился к тому, что игра в карты развивает мышление и логику. Именно это она и ляпнула:

– Профессор Китайгородский не считает игру в карты чем-то порочным. А наоборот – говорит, что подобные игры развивают мышление и тренируют ум.

– Варя, что вы говорите? – От изумления Серафима Фёдоровна вдруг перешла на «вы». – Это же азартные игры, да ещё в стенах школы.

– В школе, конечно, играть нехорошо, да ещё в туалете. Негигиенично. А вот дома в спокойной обстановке...

– Ну, хватит! От вас, Варя, я этого не ожидала, – прервала её Серафима.

Собрание на этом закончилось. На улице Варю ждал Кит с друзьями. Ребята всегда ходили четвером и в классе их, естественно, прозвали «мушкетёрами».

– А ты молодец. Давай мириться, – предложил Кит и протянул ей руку с вытянутым мизинцем. Варя сделала то же самое.

– Мирись, мирись, мирись и больше не дерись, – по-детски сцепившись пальцами проговорил Кит.

– Да мы и не ссорились, – тихо проговорила Варя. Ей вспомнилось недавно прочитанное стихотворение, автор будто подслушал её мысли.

*Ищу чего-то в желтой тишине,
Неплохо бы найти успокоенье.
Растерянная осень вновь ко мне
Прильнула, как предчувствий отраженье.
Дождём обнимет, ластится листвою,
Какие лисьи у неё повадки,
И шепчет: «Оставайся здесь со мной»,
А мне не хочется, а мне б уйти куда-то.*

*Тебя бы видеть, слышать голос твой,
Быть рядом, неизвестною, но рядом,
И в вёсны окунуться с головой,
Когда б ты был...*

Отношения между ними наладились. Конечно, в них не было той теплоты и доверительности, как прежде, но ушло ощущение обиды и неловкости. Зато теперь начались Варькины мучения с учёбой. Учителей как подменили. Были такие душечки – лапочки, а тут начали придираться к ней по любому поводу. Теперь не могло быть и речи ни о каком чтении под партой. Особенно свирепствовала всегда лояльная Серафима, которая вела русский и литературу. Нет, учительница она была хорошая. Настоящий советский педагог. Невысокая, с седыми прекрасно уложенными волосами, напудренным носиком, она была довольно жесткой в общении. С учениками не заигрывала, спрашивала «по справедливости», нерадивым спуску не давала. Одевалась Серафима элегантно, соответственно её возрасту. Единственная вещь, которая всегда присутствовала в её одежде, была старинная брошь в виде резной камеи. Этой брошью скалывался воротник тонкой блузки у самой шеи, что придавало Серафиме вид строгой классной дамы. Ученики, любить её, может быть, и не любили, но относились с уважением.

Варвару явно «валили». Как бы она теперь не отвечала, Серафима обязательно находила недочёт и снижала оценку. То же было и с сочинениями. Четвертная, а за ней и годовая, вырисовывались четверки. Ребята в классе негодовали. Но поделаться ничего не могли. Больше всех переживал Кит, даже хотел идти к директору. Варька сначала расстраивалась, а потом махнула рукой – «не золотая, так серебряная». Конечно, самолюбие её было уязвлено. Варька даже всплакнула, уткнувшись носом в крепкое плечо Кита. Было обидно – столько лет без четверок, а на финишной прямой, «срезали». Оставалась надежда на выпускные экзамены. Но и здесь Серафима вновь поставила четверку. Это был конец. Золотая медаль уплыла прямо из рук.

– Да, не переживай ты так, – обнял её за плечи Кит. – На этом жизнь не кончается.
И, действительно, жизнь только начиналась. Шёл июнь 1977 года.

Глава 3

Что делать после школы, Варя решила давно. Личностью она была творческой – любила стихи и хорошо читала со сцены, участвовала в школьных конкурсах и неизменно занимала призовые места, играла в театральной студии. Вся школа знала, что она хочет стать актрисой. Варя даже поступила в музыкальную школу. Серафима, хоть и «прокатила» Варьку с Золотой медалью, но относилась к ней с уважением и по достоинству ценила её способности. Может быть, она пожалела о том, что сделала, но изменить уже ничего было нельзя. И в свое оправдание при вручении аттестатов об окончании школы Серафима подарила Варьке книгу о Великом Станиславском – одном из основателей Художественного театра. На титульном листе красными чернилами выделялась надпись поучительного содержания, сделанная рукой Серафимы. Варя не обижалась на старую учительницу и расценила это как акт примирения. Варька вообще редко помнила обиды. Отходчивая она была.

Поступать она пошла в школу-студию МХАТа, потому что очень любила этот театр, и считала его лучшим. Про себя она решила, что, если не поступит, значит, таланта у неё нет. Конечно, это было детство. В школу-студию она не поступила, не прошла даже второй отборочный тур. В аудитории, где проходило прослушивание, сидел какой-то дядька весьма нетворческой наружности. Варя повертела головой и в недоумении постояла, ожидая ещё кого-нибудь из экзаменаторов. Больше никто не появился. Дядька выжидающе смотрел на Варю.

– Ну, что вы приготовили? Читайте, – нетерпеливо произнёс он.

Собравшись и встав в позу, Варя начала декламировать своё любимое трагическое стихотворение Мусы Джалиля об ужасах концлагеря. Обычно к концу публика рыдала. Но на «дядьку» её чтение не произвело никакого впечатления. Он слушал, разглядывая девушку совсем не с творческой стороны. Его взгляд скользил с ног, обутых в летние «лодочки», на высокую грудь, обтянутую тонкой тканью мужской рубашки, затем на лицо, и замер, сосредоточившись на копне светлых волос. Внешний вид Вари совершенно не соответствовал трагизму образа. Не дослушав до конца, «дядька» поблагодарил Варю и попросил подождать в коридоре. На этом попытки Вари связать свою жизнь с театром закончились. Скорее всего, театр не был её заветной мечтой, либо эта «зараза» не успела проникнуть слишком глубоко в её сущность, иначе она обязательно стала бы актрисой.

В «керосинку» Варя поступила случайно, если не считать, что случайность есть часть закономерности. После провала в театральный Варя подала документы в МГУ на филологический факультет. Там её тоже ждал провал. Не помогла и медаль. Первый и единственный для неё экзамен был профильный – русский язык. Варька с позором получила двойку. Что делать дальше, она решительно не знала. Видимо, все-таки история с медалью выбила её из колеи. Тут выручила мама простым житейским советом:

– Иди куда-нибудь на химический. Ведь с химией у тебя всегда было хорошо. Что тебе болтаться целый год, или просиживать секретаршей.

Почему именно на химический? У неё и с остальными предметами было всё в порядке. Наверное, просто нравились колбочки и пробирочки. Да и таинственный вид химической лаборатории с её паутиной шлангов, банками с реактивами, меняющимися на глазах цвет растворов, ректификационными колонками со струящейся по ним жидкостью, завораживал. И Варя подала документы на вечерний химфак МГУ, потому что на дневной приём был уже закончен. Торжественная обстановка главного Университетского здания на Ленинских горах очаровала Варю. Гранит и мрамор внутренних интерьеров невольно внушали уважение и трепет. Суэта около многочисленных скоростных лифтов передавалась и новичкам. Снующие студенты, абитуриенты, преподаватели и просто непонятные личности создавали серьёзную деловую

витуую обстановку. Варьке очень захотелось тоже стать частицей этого «броуновского движения».

Химический факультет, не случайно расположенный в стороне от главного здания Университета, каждого входящего ошеломлял «букетом» незнакомых и, главное, непонятных запахов. Так может пахнуть только Наука! На первом экзамене по математике преподаватель два часа гонял её почти по всему материалу и в результате поставил четвёрку. Пришлось сдавать все остальные предметы и идти по конкурсу наравне со всеми. В результате Варвара из-за физики не добрала одного балла. После очередного досадного провала в МГУ, она, поплакав в очередной раз на плече Кита, плюнула и подала документы на вечерний химфак Института Нефти и Газа, который находился всего в двадцати минутах ходьбы от Университета.

Сначала Варька горевала – красивое и таинственное здание МГУ на Ленинских горах невозможно было сравнить с современным убогим фасадом «керосинки». Но вскоре она поняла, что ничего страшного не произошло. Учиться было интересно. Девчонки в группе оказались компанейскими. Некоторые из них поступили сюда так же, как Варя, сначала попробовав свои силы в других ВУЗах. Правда, музыкальную школу пришлось бросить.

Недолго думая, Варька устроилась лаборанткой на опытный завод при Научно-исследовательском институте нефтепереработки (НИИ Нефтегаз) в центральную контрольную лабораторию. Чуть раньше туда же пришла девчонка с забавной фамилией Сорока. Звали её Галка. Очень смешно звучало сочетание – Галка Сорока, поэтому Варя стала звать свою новую знакомую просто Сорокой. Сорока закончила ПТУ по специальности лаборант – химик и её распределили на этот же заводик. Они сразу подружились. Сорока была без лишних амбиций и совершенно неконфликтная, кроме того, была глухой на одно ухо. В детстве она чем-то болела и получила осложнение. При разговоре Сорока, как птица, поворачивала голову здоровым ухом к собеседнику, стараясь лучше расслышать сказанное. Она сразу признала Варькино главенство и стала преданной и надёжной подругой.

В первую же неделю им, как самым молодым, да ещё новеньким, предложили поехать на две недели в колхоз. Сентябрь был удивительно тёплый, и девчонки с удовольствием согласились – насидеться в лаборатории они ещё успеют. Бесспорно, лучше поработать в колхозе и оттянуть хотя бы ненадолго начало своей трудовой деятельности. Честно сказать, Варьке понравилась работа в лаборатории. Запах бензина, битумов и прочей нефтегадости волновал её. Ей нравилось приходить в большой светлый зал с длинными рядами столов, заставленных приборами, и вдыхать букет непривычных ароматов. Поработать в колхозе тоже было неплохо. Девчонкам было совершенно все равно, что убирать или собирать. Компания предполагалась большая – молодые сотрудники из двух институтов: девочки – из нефтяного и мальчишки их «конторы» Сухого – «летчики-конструкторы-пилотчики». Автобус отходил прямо от НИИ. Путь лежал в деревню с мрачноватым названием Могильцы.

Приключения начались, как только автобус въехал в Волоколамский район. Перед опущенным железнодорожным шлагбаумом остановились. За автобусом с «колхозницами» пристроилась кобыла, впряжённая в телегу, в которой на подстилке из сена стояла длинная деревянная клеть с гусями. Хозяин дремал. Гуси тихонько о чём-то беседовали. Кобыла прятала уши отгоняя назойливых мух. Лохматый хозяйский пёс нетерпеливо крутился около телеги с опаской поглядывая на урчащие машины и изредка чихая от выхлопных газов.

«Хвост» из стоящих машин все увеличивался. Ждать, видимо, предстояло долго. Водитель автобуса открыл двери и предложил всем подышать свежим воздухом. Девчонки высыпали наружу. Варька и Сорока дышали «через сигаретку» воздухом, напоённым густыми выхлопами грузовиков и легковушек.

Вдалеке, наконец, зашумел состав. Водители и пассажиры, вышедшие покурить, заспешили обратно. Поезд с оглушительным свистом пролетел мимо, обдав их пылью дальних странствий, запахом туалетов и гарью угольных «титанов». В этот момент лошадь, запряжённая в

телегу, громко фыркнула, дёрнула головой и с испугу попятилась назад. Телега наехала на, стоящий позади неё, новенький «москвич» и разбила обе фары. От удара дверца клетки, стоявшей на телеге, открылась, и перепуганные гуси хлопая крыльями начали выпрыгивать на дорогу. Хозяйский пёс метался между машинами. Орущие гуси, тяжело переваливаясь, разбегались не только по проезжей части, но уже бродили и по железнодорожному переезду.

Водители орали на бедного дядьку, давили на клаксоны, требуя начать движение. Суматоха продолжалась пока из будки не появилась ОНА – женщина в оранжевом жилете. Увидев эту картину, женщина онемела. Сознание вернулось к ней не сразу. Её монолог был краток и не отличался разнообразием идиоматических выражений. Восхищало их количество. Дядька, наконец, пришёл в себя, сдвинул на лоб замызганную кепчонку с пуговкой на макушке и почесал затылок.

– Ты понимаешь, что я не могу открыть движение, пока здесь гуляют гуси? – проникновенно спросила она.

Дядька молча кивнул головой и принялся прилаживать отвалившуюся дверцу клетки. Какой-то парень уже тащил первого пойманного гуся.

– Мужики, – раздался из толпы чей-то голос, – помогите собрать гусей, а то мы так никогда не уедем.

– А они щипаются, – пропищал детский голосок. Толпа засмеялась. Несколько добровольцев поспешили в разные стороны в поисках гусей. Хозяин чуть не плача, принимал очередного беглеца и, кланяясь, благодарил спасителя.

Народ в ожидании конца приключения мирно расположился у обочины на пыльной траве. Слышался смех. Кто-то уже разложил картишки. Мамаши выгуливали засидевшихся детишек. Суета и неразбериха продолжались около часа, пока последний гусь не оказался запертым в клетке. Как выяснилось, виноватых среди присутствующих не оказалось. Виноват был поезд, но он давно уехал.

Наконец поднялся шлагбаум. «Спектакль» был окончен. Шофёр тронул автобус, и он покатил своей дорогой. Позади остались несчастный дядька с гусями и лохматым преданным псом и владелец «москвича» с разбитыми фарами. Было смешно и грустно. Девчонки, сначала покатывающиеся со смеху, теперь искренне сочувствовали незадачливому дядьке в смешной кепчонке с пуговкой и лохматому преданному псу, тихо сидевшему у ног расстроенного хозяина.

Глава 4

Оба автобуса почти одновременно добрались до места дислокации. Галдящую, уставшую толпу разместили в старом здании сельской школы. Здание было настолько ветхим, что прогнившие половицы угрожающе прогибались и грустно скрипели от тоски и одиночества. «Мальчиков» и «девочек» развели по разным классам в разных концах коридора. Запах прелого дерева пропитал сваленные в углу комнаты матрасы, на которых предстояло спать. «Удобства» располагались на улице. Недалеко от крыльца, под навесом – старое кострище летней кухни сиротливо поблёскивало антрацитом обугленных деревьяшек.

Место же было удивительное. От главного входа вниз уходила старинная лиственничная аллея. Где-то высоко над головой огромные деревья величаво покачивали разлапистыми пушистыми ветвями, осыпая поросшую травой дорожку нежной мягкой хвоей. Конец аллеи терялся среди беспорядочно растущих старых лип и упирался в давно прогнивший забор. Кривая калитка сиротливо висела на одной петле чудом уцелевшего столба. Прямо за калиткой сверкал небольшой бочажок, в котором бил хрустальный родник, откуда брали воду для кухни и умывания.

Деревенька Могильцы была малонаселённой. Прямо за околицей начинались поля с рядами сжатых снопов сухого льна. Лён был здесь главной культурой. Десятилетиями из поколения в поколение его выращивали на этих полях, окружённых вековым лесом. Главная усадьба находилась километрах в трёх. Затяжная тёплая осень торопила с уборкой. Как долго продержится вёдро, никто сказать не мог, поэтому с утра всех сразу отправили на лён. Ребята подвозили с поля осыпающиеся снопы к молотилке. Девчонки с двух сторон хватили сноп и загалкивали его между крутящимися валками. Вблизи молотилки в пыли не было видно лица напарницы. Старенький агрегат работал без перебоев и остановок. Девчонки, повязанные платками так, что видны были только глаза, походили на таинственных восточных красавиц.

К вечеру все не чувствовали рук. Мыться было негде. Можно только ополоснуть лицо ледяной водой, да о ствол лиственницы выбить въевшуюся сухую пыль из одежды. Оборудовать кухню ребята ещё не успели, поэтому, сидя на влажных чурбаках у костра, ужинали толстыми макаронами с говяжьей тушёнкой, наскоро приготовленными дежурной поварихой. Молодёжь устало перебрасывалась репликами, ловя на себе быстрые любопытные взгляды друг друга. Варьке было не до переглядыв. Болели исколотые сухой соломой руки, ныла натруженная спина. Лежать на полу на жестком матрасе было неудобно. От усталости сон не шёл, пока далеко за полночь, под тихий шелест ветра, запутавшегося в макушках деревьев, Варька, наконец, ни уснула. Снился ей, как всегда, Кит – он несёт её на руках по полю, кругом ромашки, ромашки, а они улыбаются, опять что-то говорят и мирятся. Каждый раз, когда ей снился Кит, она просыпалась с ощущением счастья и недоумения одновременно. Почему «мирятся»? Ведь они никогда не ссорились. Просто Кит *никогда не любил* Варю!

На следующий день работа пошла веселее. Девчата со смехом, в лицах рассказывали ребятам об истории на переезде. После ужина решили устроить танцы. У ребят оказался старенький приемник, который ловил музыкальный «Маяк». На ближайшую лиственницу закинули длинный провод, и станция ловилась почти без помех.

Через несколько дней все перезнакомились. Варя и Сорока оказались самыми молодыми в этой компании и держались всё время вместе. К Варьке подвалил Витёк – молодой технолог из «конторы» Сухого. Сороке он не понравился сразу – чересчур развязный. Витьку было лет двадцать семь, и он уверенно пошёл в атаку, но Варвара только осторожно прогуливалась с ним вечером по деревне, не позволяя особенно фамильярничать. Поздно вечером они забирались в душистый стог сена. Витёк, томимый желанием, совершенно «нечаянно» клал руку на Варь-

кину грудь. Варя, как бы ненароком, подтягивала обе коленки к подбородку и, мечтательно обхватив их руками, спрашивала:

– А вот почему самолёты летают?

Рука Витька слабела, и он азартно начинал объяснять Варьке «принципиальную конструкцию» крыла самолёта и нюансы тяги двигателя. А вопрос: «Откуда берётся электричество?» – приводил Витька в трепетный ужас. Он воздевал руки к звёздному небу, закатывал глаза и произносил, как заклинание:

– О, Господи! Женщины в технике – это катастрофа. А ведь ты сдавала физику, когда поступала в институт!

– Ага, – соглашалась Варя. Затем наивно вопрошала: – ну и что? Физика объясняет только законы, по которым существует электричество. А откуда оно берётся – непонятно!

– Но это же очевидно – электричество – это направленное движение электронов, – начал злиться Витёк.

– А откуда берутся эти электроны, и кто их направляет? – весело парировала Варька.

После столь заумной беседы Витёк с головой зарывался в колючее сено, рыча от «беспредельной тупости» Варьки. Желание обладать этой «убогой» девицей моментально пропало. Витёк тяжело вздыхал, поднимался, вытряхивая из-за ворота рубашки набившуюся сухую траву, и обречённо брёл к едва светящемуся в темноте зданию школы. Самодовольно улыбаясь, Варька неторопливо шла за ним, предвкушая удовольствие Сороки от очередной неудачи парня.

А если бы Витёк знал, как Варька сдавала физику, то просто потерял бы сознание от её тупости. Во-первых, кроме раздела «оптика», Варя не знала физики вообще. И вовсе не по причине своей “тупости”, а потому что сначала долгое время не было учителя, а потом они всё время менялись. Во-вторых, она даже предположить не могла, что физика ей когда-нибудь в жизни понадобится. Выпускной экзамен она сдала на пятёрку только благодаря хорошей памяти, своей удаче и снисходительности школьных учителей. Но на вступительных в институт это не помогло бы. Целыми днями Варя зубрила учебник, но в день экзамена вдруг поняла, что ничего не знает. С утра Варя сидела в комнате на диване с учебником физики на коленях, раскрытом на одной и той же страниц. В конце концов, она махнула рукой: будь, что будет.

Около аудитории, где шёл приём экзамена по физике, никого не было. Варя осторожно приоткрыла дверь. Там тоже никого не было, кроме женщины, собиравшей разбросанные по столу листки исписанной бумаги. Заметив Варю, она взглянула на часы.

– Девушка, вы ко мне?

– Я на экзамен, – испуганно пролепетала Варя.

– А экзамен окончен.

– Как же так! Неужели я перепутала время? – очередной провал в институт был бы для неё личной катастрофой. Видимо выражение лица Вари было такое, что женщине стало её жалко.

– Ну, хорошо. Раз уж вы пришли, берите билет, – вдруг предложила экзаменатор. – Члены комиссии уже разошлись, но я приму у вас экзамен.

Варя глазами пробежала вопросы билета и поняла, что, как и предполагала, физики, включая первый закон Ньютона, она не знает, о чём честно сказала преподавателю. Та удивлённо посмотрела на Варю.

– Не может быть, чтобы «ничего». Сидите и вспоминайте.

Наверное, с перепугу Варя действительно кое-что вспомнила.

– Ну, вот. А вы говорите «ничего», – улыбнулась женщина, разглядывая экзаменационный лист Вари с рядом округлых жирных пятёрок. – Так не бывает. А если решите вот эту

задачу, – придвинула она Варе листок с заданием, – то будет прекрасно. Но сниму балл за опоздание.

Задачу по оптике она осилила – чего не сделаешь от отчаяния. Но весь курс обучения в институте, как обязательный ритуал, пересдавала физику по несколько раз.

Глава 5

Варька сознательно «крутила динамо», понимая, что Витёк, как говорят в народе – «профессиональный ходок», поэтому ему было абсолютно всё равно, когда и с кем. Главное, чтобы была особа женского пола. Кроме того, Варьке он казался старым, поэтому она упорно делала вид, что не понимает намёков измученного желанием парня. Все его попытки обольстить Варьку и «разжечь огонь желаний» оставались безуспешными. Она, как уж, выворачивалась из каждой пикантной ситуации. В конце концов, Витьку надоело обхаживать молоденькую «дурочку», и он решил переключиться на кого-нибудь постарше и попонятливей. Варька совершенно не огорчилась, а Сорока облегчённо вздохнула.

Как-то вечером, в старую школу «на огонёк» забрели местные мальчишки. Тимоха и Колька учились в десятом классе. Каждое утро вся деревенская ребятня гурьбой ходила на главную усадьбу, где была их новая школа. Занятия у старшеклассников начинались позже, потому что в сентябре в колхозе была самая горячая пора. К десятому классу почти все сельские мальчишки могли управляться с колхозной техникой. Вот с ними-то и подружился Сорока с Варькой. Тимоха работал механизатором.

По утрам округа сотрясалась от рёва комбайна «Нива», который Тимоха подгонял почти к самому зданию старой школы, и подруги на «личном транспорте» отправлялись на работу. Картина была классная, достойная кисти мастера советской живописи! Сорока и Варька, вцепившись в трясущиеся железные поручни, ехали стоя на площадке огромного комбайна, а в кабине важно восседал молодой комбайнёр. Сорока, всматриваясь вдаль, театрально приставляла ладонь козырьком ко лбу: «Вперёд, комсомольское племя!!!»

Тимоха часто со смехом рассказывал им байки из деревенской жизни. Особенно он любил истории про своего отца Ивана Тимофеевича. Как взрослеющий деревенский мужик, Тимоха позволял себе слегка высокомерно подтрунивать над его слабостями. То, что Иван Тимофеевич пил, секретом не было. Попивало почти всё мужское население деревни, а матерились все деревенские, начиная с малолетства. Диалог бабки с внуком выглядел примерно так:

– Петька, сука, ты опят штаны порвал, – спокойно говорила бабка. На что Петька отвечал:

– А ты, старая, чего орёшь? Мамка на огород, послала, а там, блин, крапива. Я прыгнул, штаны на жопе и порвались.

Причём слова проговаривались скороговоркой, и вся речь сминалась в один непонятный ком. Это был обычный деревенский разговор. Они не ругались. Просто матерные слова были словами – связками в прямой речи. В разговоре их даже не замечали. Разнообразием они не отличались. Также разговаривали и Тимоха с Колькой. Правда, перед городскими девчатами, парни старались сдерживаться. И если вылетало «непотребное» слово, они прикрывали рот рукой и, ёрничая, говорили:

– Извиняюсь. Мы люди деревенские.

Одной из историй, над которой до сих пор потешалась вся деревня, была история о том, как Иван Тимофеевич пошёл осенью на рыбалку. Рыбалка у деревенских была не только развлечением, но и способом пополнения семейного бюджета. Рыбу ловили сетями и заготавливали впрок – солили, вялили и коптили. По деревенским меркам Иван Тимофеевич был отличным семьянином с золотыми руками. Более ухоженного хозяйства и дома – «полной чаши» – ни у кого в колхозе не было. Механик от Бога, он по звуку мог определить неполадку в любой технике, поэтому в уборочную страду был нарасхват.

Когда, наконец, Иван Тимофеевич собрался ставить сети, по воде уже шла ледяная шуга, но река еще не встала. Обычно сети бросали недалеко от берега. Летом это было делом нехитрым. Осенью же приходилось надевать огромные резиновые сапоги до бедра. Иван Тимофеевич, изрядно «нагрузившись» по поводу предстоящего мероприятия, собрался на реку. Идти

в таких сапогах до реки по заледеневшим кочкам было тяжело. Перекинув сеть через плечо, решил надеть сапоги прямо на берегу. Жена, Евдокия Ивановна, попросила Тимоху проводить отца и помочь ему побыстрее управиться. Но Иван Тимофеевич решительным жестом отодвинул сына от двери и, пошатываясь, вышел из дома. Жена махнула рукой, взяла ведро и заторопилась в сарай задать скотине корм. Тимоха, очень довольный тем, что не пришлось тащиться по холоду на реку, да ещё стоять на ветру в ледяной воде, уселся доделывать уроки.

Прошло несколько часов. За суетой Евдокия Ивановна забыла о муже. Опомнилась, когда уже стемнело.

– Тим, отец не приходил?

– Да, наверное, на сеновале спит, – отмахнулся Тимоха..

– Ты сходи, посмотри, – настаивала мать.

Тимоха нехотя оделся. Не было его долго. Вернулся озадаченный.

– Папани нигде нет, – уныло протянул он.

– Ты у Милки – то смотрел? – Она знала, что иногда, чтобы пьяным не заходить в дом и не слышать попрёков жены, муж уходил спать в сарай. Подняться на сеновал он не мог, ноги не слушались, а охапка свежего сена всегда лежала рядом с коровой.

– Смотрел, – снова заныл Тимоха.

– О, Господи, утоп, – запричитала Евдокия Ивановна. – Пьяный ведь. Подымай, сынок, людей. Искать пойдём. Пусть багры и фонари берут, – распорядилась Евдокия Ивановна, натягивая резиновые сапоги и кутаясь в тёплый платок.

Тимоха тоже забеспокоился. Рысью, на ходу напяливая телогрейку, побежал созывать соседей и родственников. Через полчаса у дома Ивана Тимофеевича собралась толпа с фонарями и факелами. Под предводительством Евдокии Ивановны все направились к реке. До реки было метров триста. Шли молча, сосредоточенно. Собака Мушка бежала рядом с Тимохой. Если в деревне что-нибудь случалась, Мушку брали обязательно. Мушка была небольшая чёрная, с белой отметиной на лбу, брехучая собачонка. Зато она очень хорошо ходила по следу. Никто не учил Мушку этой науке. Видно чутьё «на след» у неё было природное.

До берега, где обычно ставили сети, оставалось недалеко. Шли молча, только тонкий ледок замёрзших лужиц похрустывал под ногами. Вдруг Мушка подняла уши и насторожилась. Остановилась и замерла вся толпа. В тишине ночи под тёмным звёздным небом совершенно отчетливо раздавался здоровый мужской храп. Мушка рванулась вперёд. Толпа зашевелилась и, обгоняя Евдокию Ивановну, поспешила на звук. В свете фонарей и факелов они увидели картину, которую обсуждала вся деревня целый год. Мужики и бабы сразу начинали «ржать», вспоминая эту историю. У самой кромки берега лежал человек, завёрнутый в рыболовную сеть. Его ноги болтались в ледяной воде. На одной ноге был надет высокий, до бедра, сапог. На второй – надет наполовину. Кусочки льда плавали внутри широкого раструба. Человек спал крепким сном. Так мог спать только совершенно счастливый человек.

Ивана Тимофеевича на руках оттащили в дом. Жена с Тимохой раздели спящего хозяина и начали растирать самогоном. Во время этой процедуры храп не прекращался. Мужики, стоя рядом и ухмыляясь, посоветовали «налить внутрь». Потом опомнились и добавили:

– Не-а, нельзя. Захлебнётся, – и опять заржали.

Как ни странно, но к утру проспавшись и выпив огуречного рассола, Иван Тимофеевич, как ни в чём небывало, отправился на работу. Он не только не заболел воспалением лёгких, но не подхватил даже лёгкого насморка. Вот это и есть русская натура!

Глава 6

Через несколько дней работы «на льне» волосы перестали расчёсываться совсем. Варвара сидела на крыльце школы и пыталась пальцами хотя бы разделить слипшиеся пряди, когда к ней подошёл Тимоха.

– Хотите, мать баню истопит? – спросил Тимоха, сочувственно глядя на Варю. – Жалко такие волосы драть. – Тимоха давно уговаривал мать «истопить девкам баню».

– Да, может, им не нужно, – отмахивалась Евдокия Ивановна.

Но девчонки были счастливы. Крохотная банька стояла на самом берегу деревенского пруда и топилась по-чёрному. Девчонки осторожно вошли в тесный предбанник. Скинув одежду, они распахнули дверь в парную и сразу захлебнулись упругим воздухом, насыщенным запахами мяты и чабреца. Котёл с водой грелся прямо в парной. В деревянной шайке лежали запаренные берёзовые веники. Тут же стояла липовая кадка с холодной водой. На краю кадки висел деревянный черпак. Городские, они видели подобную экзотику первый раз в жизни. Мыться в такой бане – нужна была сноровка.

Сорока с хрустом охаживала Варьку веником, отчего тело горело, а Варька, лёжа на полке, только сладко жмурилась как кошка, объевшаяся хозяйской сметаны. Поменявшись местами, теперь Варька с задорным остервенением, в отместку, колотила Сороку по пяткам. Галка визжала и сучила ногами. Вдоволь нахлеставшись девчата, боясь залить огонь или измазаться сажей, ополоснулись и освободили место следующей паре. Намотав на головы полотенца, они вышли из бани. На тропинке их догнал Тимоха и пригласил в гости попить чаю. Распаренная Сорока лениво отнекивалась, но Варя ломаться не стала и они, не спеша, пошли за Тимохой.

В доме, куда он их привёл, посередине большой комнаты стоял длинный стол. На столе пыхтел настоящий медный самовар. Большие красные чашки в белый горох торжественно выстроились в почётном карауле около самовара. Сушки, карамельки и прочие угощения притихли, ожидая, когда хозяева начнут чаепитие. Во главе стола, положив голову на сложенные перед собой руки, сидел Иван Тимофеевич. Казалось, что Иван Тимофеевич спит. Но он не спал. Время от времени хозяин поднимал голову и строгим голосом произносил одну и ту же фразу: «Евдокия Ивановна!» – после чего голова его безжизненно падала, и на некоторое время он затихал опять.

Девчонки испуганно попятились к двери. Их со смехом остановил Тимоха:

– Не робей. Это он так, перебрал маленько. Не обидит. Мам, давай чаёвничать, – добавил он.

Евдокия Ивановна суетилась, усаживая Сороку и Варьку за стол. В начале девчонки испуганно вздрагивали, но Евдокия Ивановна не обращала внимания на мужа, а лишь после каждой реплики оборачивалась в его сторону и молча укоризненно качала головой. Девчонки, наконец, совсем освоились. Мать Тимохи оказалась женщиной любознательной, и беседа потекла своим чередом легко и непринуждённо. Тимоха собирался после школы ехать учиться в Москву в Тимирязевскую академию. Ему, как лучшему ученику, колхоз давал направление на целевое обучение с обязательным условием, после института вернуться в родной колхоз. Мать волновалась, как он будет один в большом городе. Девчонки успокаивали. Так за чаем и разговорами прошёл час.

Всё это время отец Тимохи продолжал сидеть за столом в той же позе и повторять одну и ту же фразу. Наконец Евдокии Ивановне надоело, и она негромко миролюбиво произнесла:

– Шёл бы ты спать, Иван Тимофеевич.

Тут хозяин, будто очнувшись, высоко поднял голову, осоловело посмотрел на жену и угрожающе произнес: – Ну, разоралась! – После этих слов голова его окончательно упокоилась

на скрещённых руках, и он мгновенно захрапел. Девчонки расхохотались, а Евдокия Ивановна улыбнулась и махнула рукой:

– Пускай себе.

Незаметно пролетела неделя. Погода стояла отличная. Правда, по ночам воду в бочажке стало прихватывать тонкой корочкой льда, но днём было тепло и солнечно. Молотить лён закончили. Предстояла ещё более противная и пыльная работа – веять льняное семя. На краю деревни недалеко от дома, где жил Тимохин приятель – Колька, под навесом стояла веялка. Девчонки деревянными лопатами отгребали провеянное сухое семя.

Накануне Тимохин отец отмечал именины. Неизвестно, соответствовало ли это мероприятие святым. Возможно, это был просто повод очередной раз изрядно выпить, но гуляла опять вся деревня. Голова у Ивана Тимофеевича раскалывалась с утра. Не помогала даже рассол. Видать самогон был не лучшего качества. Разобраться с тёткой Марусей он решил позже. Вдобавок ко всему Иван Тимофеевич маялся сомнениями, правильно ли он сделал, что купил у Степаныча – Колькиного отца – два улья. На учёбу в Москву Тимохе нужны будут деньги и Степаныч убедил его заняться «бизнесом» – завести пчёл и качать мёд на продажу. Вот и решил Иван Тимофеевич посмотреть, как там пчёлки, не замёрзли. Может пора улья переносить в омшаник.

Тимофеич, матерясь и придерживая рукой большую голову, снял с одного улья крышку и заглянул внутрь. Лучше бы он этого не делал! Запах густого перегара оживил бы даже мёртвого, не то, что мирно спавших пчёл. Мгновенно весь рой с грозным гудением поднялся в воздух. Чёрная туча угрожающе зависла над его головой. Иван Тимофеевич тут же протрезвел. Голова стала чистая и ясная. Он понял, что если не предпримет каких-либо мер, то это будет его последний день в жизни. Ноги сами понесли с такой скоростью, что туча слегка отстала. На бегу Тимофеич размахивал руками, как ветряная мельница, орал и матерился самыми последними словами.

Девчонки остановили веялку и стали с интересом наблюдать за развитием событий. На крик из дома выскочил Колькин отец.

– А...а...а...!!! Ой...ет...ёй...!!! – размахивая руками, Тимофеич нёсся к его дому, на ходу выкрикивая ещё какие-то непонятные слова.

Туча гудела и металась в воздухе, легко меняя свои очертания, она, как разъярённый диковинный зверь, бросалась на незадачливого пчеловода. Не совсем трезвый Степаныч, на всякий случай, шмыгнул за дверь и стал смотреть в щель, что будет дальше. Тимофеич пронёсся мимо и опять что-то прокричал. Наконец, Колькин отец понял, что Тимофеич просит достать дымарь и противомоскитную сетку. «Где искать сейчас этот дымарь и сетку?» – недоумевал Степаныч. И тут в его (не совсем ещё трезвую) голову пришла «гениальная» идея:

– В пруд! Прыгай в пруд! – заорал он и замахал руками в направлении пруда.

«Какой пруд, – ужаснулись девчонки. – Вода же ледяная».

В это время Тимофеич уже нёсся зигзагами по склону оврага, стараясь стряхнуть с себя наседающих пчёл. Время от времени от роя отделялась какая-нибудь особенно свирепая особь и с наслаждением запускала в него жало. Из оврага доносилось отдалённое:

– А...а...а...!!! Бу...б.ма...!!!

Теперь Тимофеич нёсся обратно, по-прежнему размахивая руками, матерясь и пытаясь опять что-то сказать. Чёрное облако не отставало и, казалось, стало ещё плотнее. И тут Колькин отец сообразил. Прямо на дворе рядом с домом был глубокий погреб. В таких погребах в деревне обычно устраивают ледники для хранения запасов. Степаныч открыл створку, махнул рукой Тимофеичу и быстро заскочил обратно в дом. Тимофеич с разбега ввалился в погреб и захлопнул за собой дверцу. Чёрная туча недоумённо гудела. Погудев ещё немного, она развернулась, взмыла вверх и исчезла в поисках какого-нибудь пристанища.

Степаныч и зеваки, наблюдавшие эту картину, придвинулись ближе к месту событий. Из погребца доносился хриплый задыхающийся голос:

– Пчёлы, блин...! Я этих пчёлоч на хрен... всех утоплю, а из ульев, суке Мушке конуру сделаю.

Вскоре голос затих. Время шло, толпа зевач росла, но, зная крутой нрав Тимофеича, никто не решался заглянуть в погреб. Наконец, Степаныч приоткрыл дверцу и повернул выключатель. В тусклом свете давно немойтой лампочки он ничего не увидел. Испуганный Степаныч по крутым ступеням спустился вниз. Тимофеич плашмя лежал на самом дне, зарывшись с головой в ледяную крошку, была видна только рука с зажатым в ней огромным солёным огурцом.

Собравшиеся тихо хихикали в кулачки, боясь ещё больше разозлить и так разъярённого Тимофеича. На всякий случай отойдя подальше от погребца, Сорока с Варварой покатывались со смеху.

На следующий день смурной Тимоха попросил Варьку и Сороку под каким-нибудь предлогом прийти к ним во двор. На все их расспросы он таинственно молчал.

Девчонки пришли вскоре после обеда. Картина, представшая перед их взором, могла бы тронуть даже самую чёрствую душу. На ступеньках крыльца сидел Иван Тимофеевич и вдумчиво курил самокрутку. Его голова представляла собой надутый шар, из которого пучками торчали волосы. Среди включенных вихров, как огромные вареники, приклеенные к «шару», торчали уши. Глаз не было вообще. Вывернутая нижняя губа походила на жирную улитку – такая же сизая и блестящая. Самокрутку он с трудом держал распухшими, подобно варёным сарделькам, пальцами. Напротив, в нескольких метрах от него стояла новая собачья будка. На коньке крыши, вместо флюгера, возвышалась красная фанерная звезда. Около будки на толстой цепи важно лежала маленькая черная Мушка с бантом на шее.

– А кто же будку делал? – недоумённо спросила Сорока.

– Я – а -а, – протянул Тимоха. – У папани пальцы не сгибаются.

Сорока с Варькой «заржали» и забыли повод, по которому пришли. Варя достала сигареты и села возле Тимофеича. Сорока пристроилась рядом. Девчата молча закурили и стали вместе с хозяином созерцать его архитектурное творение.

Глава 7

В стане подневольной рабочей силы началось какое-то брожение. Сорока с Варькой старались не вникать в процессы, происходящие у «взрослых». Но вольно или невольно там, где собираются молодые здоровые мужчины и женщины, начинают кипеть шекспировские страсти. Вечером, как обычно, вернувшись на комбайне с поля, девчонки застали жуткую картину. Римма, тридцатилетняя незамужняя женщина, лежала на матрасе и истерично рыдала. Начинающееся удушье и судороги исказили, синееющее на глазах, кукольное личико. Вокруг собрались старшие девчонки и тупо смотрели, не зная, что делать.

– Что стоите? Делайте что-нибудь, – заорала Варька.

Она бросилась к Римме, приподняла её голову и подсунула под неё чью-то подушку, потом расстегнула одежду. Сороку послала за водой. Остальных беспомощно глазающих зрителей Варя выгнала из комнаты. Сорока тут же вернулась и присела рядом. Варя ложкой раздвинула крепко сжатые зубы и влила в рот немного воды. Римма поперхнулась и открыла глаза. Постепенно её лицо стало приобретать осмысленное выражение.

– Ты ей водочки лучше влей, – раздался за спиной голос, невесть откуда взявшегося, дяди Паши.

– Где ж я её возьму, – огрызнулась Варька.

– И у меня нет. Вчера мужики всё вылакали, – с сожалением отметил он.

– Вот и шли бы вы отсюда... А то, как чем помочь, так никого нету. А как советы давать, так все тут как тут, – съязвила Варя.

Дядя Паша вздохнул, молча повернулся и вышел из комнаты.

– Кажется у неё, что-то с сердцем, – заметила Сорока. – У моей мамы было так.

– И что ей делали? – пытаюсь открыть старые разошедшие рамы, спросила Варя. Наконец, ей это удалось, и в комнату ворвалась струя холодного осеннего воздуха.

– Нужно что-то сердечное или успокоительное, хотя бы валерьянки.

– Пойди к «тёткам», спроси, может быть, что-то найдётся, –скомандовала Варя. Затем она взяла полотенце, смочила холодной водой и положила Римме на лоб. Та стала понемногу успокаиваться. Рыдания становились тише, дыхание ровнее. Сорока принесла валерьянку и какие-то таблетки. Теперь Римма просто плакала, вытирая лицо мокрым полотенцем. Девчонки не стали её ни о чем спрашивать, а укрыли тёплым одеялом и вышли на улицу.

Поздно вечером они зашли в комнату рядом с мужской «спальной». Там была единственная на весь дом, печь, которую можно было топить. Эта комната, как на корабле, выполняла роль кают-компания. Здесь по вечерам собирались уставшие ребята попить в тепле горячего чая и попеть под гитару незамысловатые «походные» песни. Сейчас там сидел один дядя Паша. Из мужской компании Паша был самым старшим. Он не был ни научным сотрудником, ни конструктором. В «конторе» Сухого он работал обычным слесарем. Паша чифирил. Прямо в топке печи стояла большая алюминиевая кружка, в которой томился чёрный и густой, как мазут, чай. Паша поставил на стол ещё две кружки, намереваясь угостить девчонок. Смысла этого горького, как хина, напитка девчонки не понимали и, отказавшись от угощения, присели рядом. Просто было приятно сидеть у тёплой печки и смотреть на живой трепещущий огонь.

– Что там у вас произошло? – спросил Паша, помешивая прутиком своё варево.

– Да мы сами не знаем. Какой-то кипишь. Мы пришли уже к самому концу, – ответила Сорока.

– Это Валерка. Попользовал Римку и бросил. Он же женатый, а Римке сказал, что холостой, – пояснил Паша.

«Сколько таких историй, – подумала Варя. – Только почему винят все время одних мужиков, ведь участие в этом принимают двое и почти всегда добровольно». Варя не понимала и

не хотела понимать этих вечных историй – обещал, обманул, бросил. Она считала, что обманывают тех, кто хочет, чтобы их обманули, и никогда не жалела таких «сироток». Варя вышла на крыльцо. На чёрном бархатном небе яркими кошачьими глазами перемигивались звёзды. Серебряная изморозь покрыла ещё не опавшие листья, и деревья стояли, будто облитые прозрачным лунным светом. Природа тревожно затаилась в ожидании перемен.

«Каждый выбирает свой путь сам!» – Это было её кредо.

Осень всё настойчивее вступала в свои права. Холодно становилась даже днём. По ночам мёрзли и спали, почти не раздеваясь. Командировка закончилась. Уезжали в Москву на следующий день. Перед самым отъездом к старому зданию школы пришли Колька с Тимохой. В руках они держали свёрток, не решаясь передать его девочкам. Мальчишки стояли, переминаясь с ноги на ногу, и с тоской смотрели, как собираются ребята. На крыльцо выносили пузатые рюкзаки, сумки, гитары. Варя окликнула мальчишек, вскоре к ним подошла Сорока, волоком таща свою сумку.

– Ну что, уезжаете? – наконец спросил Колька.

– Как видишь, – улынулась Сорока. – Скучать будете?

– Ага, – понуро ответил Колька.

– Ну, хватит кукситься, – встряла Варя. – Что это у тебя? – бодро спросила она, указывая на свёрток. – Наверное, нам?

– Мать собрала. Просила вам передать в дорогу.

Варя развернула пакет. Там лежали ещё тёплые ароматные пирожки.

– С капустой и грибами, – пояснил он. Потом помолчал и добавил:

– К нам каждый год приезжают из города, а таких, как вы, ещё не было.

– Это почему же? Что же в нас особенного?

– Простые вы и весёлые, – уверенно закивали головами ребята.

– Ну что ж, спасибо, – поблагодарила Варя. – Польстили, ничего не скажешь. Ты, Тима, как приедешь поступать в институт, звони.

Вскоре подошёл автобус.

– Ну, пока, – заторопились девочки, – не скучайте. Передайте большое спасибо Евдокии Ивановне и привет Ивану Тимофеевичу.

Покидая деревеньку Могильцы, с её радушными жителями, автобус натужно пыхтел по просёлочной дороге. Сорока обернулась.

– Смотри, – ткнула она в бок Варю.

Варя повернула голову. На дороге стояли две мальчишеские фигурки. У их ног, загребая лапами сухую дорожную пыль, остервенело лаяла вслед уходящему автобусу верная Мушка.

Глава 8

На занятия Варя пришла с опозданием на две недели. Институтские аудитории были наполовину пустыми. Многие студенты не спешили в «храм науки». Кто-то догуливал отпуск в Сочи, кто-то никак не мог вписаться в новый ритм жизни, а кому-то было просто лень начинать жизнь после школы с «каторжного» труда и учёбы сразу. Варя с интересом присматривалась к сокурсникам. В группе, в основном состоящей из девчонок, было всего три парня, которых видели только в начале первого курса. Ничего интересного они собой не представляли. Худосочные невыразительные мальчишки. Кто они, зачем пришли на химфак! Даже имени их никто не знал, да, по правде и не интересовался.

Жизнь катилась своим чередом – днём работа, вечером учёба. Маленькие опытные установки требовали круглосуточного контроля. Работала Варя в три смены. Больше всего ей нравились утренняя и ночная. Сердце пело вместе с восходящим солнцем, когда она в шестом часу утра спешила к остановке. Летний день только разгорался, но тело уже предвкушало дневной жар. Улицы были безлюдны, только птицы суетились, устраивая свои бесконечные птичьи дела. Неприятно было зимой – темно и холодно.

«В ночь» Варя ехала сразу после занятий. Иногда приходилось брать «тачку», чтобы успеть к началу смены. По ночам работы всегда значительно меньше, поэтому читать книжки можно было почти без помех. Порой, если простаивали опытные установки, удавалось даже поспать, завернувшись в рабочую фуфайку. Но спать в лаборатории Варя не любила – потом было тяжело вставать, и весь оставшийся день проходил, как в тумане. Варя любила после смены приехать домой и, плотно задернув шторы, спокойно улечься в свою кровать. Мама, если уже не убегала на работу, приносила Варе стакан горячего свежесваренного чая, гладила дочь по голове и уходила. Варя некоторое время лежала с открытыми глазами, переживая события прошедшего дня, потом, закутавшись плотнее в мягкий шерстяной плед, спокойно засыпала.

Одна назойливая мысль без конца теребила всё Варькино существо – МГУ. Она видела себя, идущей по нескончаемым гулким, с множеством дверей, университетским коридорам. Вдыхала волшебный, ни с чем не сравнимый, запах химии, которым было пропитано все здание химфака. Желание – любым способом перебраться в Университет – не оставляло её. Перевестись из «керосинки» в МГУ, даже на вечерний, было нереально. Оставалось устроиться на работу. Но как подступиться к решению этой задачи, она пока не знала.

Решение пришло совершенно неожиданно. Как-то весной в конце первого курса, девчонки из группы вместо лекций в очередной раз «завалилась» в «Шоколадницу» у метро Октябрьская. В этом кафе с весьма демократическими ценами со дня его основания собирались нерадивые студенты из ближайших институтов, расположенных на Ленинском проспекте: «керосинки», «стали и сплавов» и «текстильного». В зале стоял самый настоящий музыкальный автомат «меломан». Любой желающий бросал в прорезь пять копеек, выбирал понравившуюся мелодию и нажимал на кнопку напротив названия. «Механическая рука» доставала нужную виниловую пластинку, и она начинала вращаться. Меню кафе было постоянным и состояло приблизительно из десяти блюд. Половина жареного цыпленка подавалась с нарезанными кольцами апельсинами, маринованными яблоками или сливами. Из тончайших блинчиков с разными начинками особенно вкусными были фирменные – «Шоколадница» с начинкой из грецких орехов, изюма и шоколада. Ещё в меню было несколько десертов, которые готовили только в этом кафе, белое вино, советское шампанское и хороший чёрный кофе. Отстояв приличную очередь, посетители усаживались за небольшие круглые столики, застеленные белыми крахмальными скатертями. Белые жёсткие салфетки, свёрнутые «кулёчком», стояли остриями вверх на пустых тарелках. В табачном дыму тихо играл «меломан», позвякивала посуда, слышался негромкий гул голосов.

Так, за обычным девичьим трёпом выяснилось, что присутствующая за столом – волокая Ксюша – работает на одной из кафедр химфака МГУ. Уже через неделю она сообщила, что в одну из лабораторий факультета требуется лаборантка на мизерную зарплату, зато с перспективой поступления в аспирантуру после окончания института.

Кафедра химии нефти оказалась сугубо по Варькиной специальности. Сотрудников на кафедре было раз – два и обчёлся, а в лаборатории и того меньше. Аспирантка первого года с красивым то ли польским, то ли прибалтийским именем – Хеля, дипломник Серёга – здоровый бородатый мужик (поступил в Университет после армии) и начальник лаборатории – «остепенённая» уважаемая Софья Абрамовна. К ним добавилась ещё и Варя. Софья Абрамовна работала над докторской диссертацией. Серёга бывал редко. В основном он проводил время в огромном студенческом практикуме, попивая чай (что в химических лабораториях категорически запрещалось) с сокурсницами, и заигрывал с молоденькими студентками. Поэтому вся нагрузка по теме, на которую был Госзаказ, легла на Хелю и Варвару.

Работа Варе сразу понравилась. Ничего нового для неё не было: те же колбочки и перегонки. От одной только мысли, что Варя теперь в Университете, работалось легко и радостно. Хеля закончила химфак с красным дипломом, танцевала в Университетском ансамбле «Сувенир» и была на несколько лет старше Вари. Энергия у девчонок была ключом. Правда, порой случались всякие ЧП: то рванёт выкипевшая колба, то до потолка выплеснется её содержимое, потому что Хеля, по рассеянности, не закрепила детали ректификационной колонки; а то вспыхнет кусочек металлического натрия, небрежно брошенный Варей в воду. Слава Богу! Все обошлось без последствий, не считая закопчённого потолка и разбитой посуды.

Однажды Хеля приволокла в лабораторию огромную бутылку с отработанным спиртом.

– На фига ты её притащила? – спросила Варя, задумчиво глядя на зеленоватое содержимое бутылки.

– Потом поймёшь, студент, – буркнула Хеля. – Давай, помогай.

Они стали быстро собирать «перегонку». Для этого в соседней лаборатории выклянчили большую трёхлитровую колбу. Целую неделю продолжалась работа в тайне от Софьи Абрамовны. В результате было получено пять литров чистейшего продукта. Пробовать девчонки не спешили, потому что не знали, отходом какой реакции был этот спирт. Одно было известно точно – ЯДА там НЕТ. Для достоверности всё же решили убедиться на стеклодувах. Университетские стеклодувы – люди бывалые – за ремонт битой посуды брали только спиртом. Хеля набрала целую коробку с отбитыми горлышками и краниками и пошла на переговоры в подвал, где сидели мастера. «Продукт» перегонки прихватила сразу, иначе работа не пошла бы.

На следующий день Варя с волнением ожидала результата. Хеля задерживалась «в библиотеке», хотя Варя точно знала, что накануне она встречалась со своим сердечным другом третьекурсником Тофиком. Варя механически собирала крошечную установку для получения компонента топливной присадки с отвратительным запахом тухлого чеснока, а, возможно, и чего-нибудь похуже. Звонок телефона раздался неожиданно. Так рано в лабораторию обычно никто не звонил. Варя вздрогнула, уронила очередную стекляшку. Та со звоном разбилась. Варя с досадой шлёпнула ещё одну, чтоб до кучи, и пошла к телефону. Звонил Василь Васильич, которому вчера Хеля отнесла посуду в ремонт. У Вари отлегло от сердца – значит всё в порядке, жив.

– Что не приходите за своим хламом?

– Хеля задерживается, как только, так сразу, – вместо приветствия отчеканила Варя. Она поблагодарила мастера и схватила веник.

Хеля прискакала через час, радостная и не выспавшаяся. На всякий случай в подвал пошли вместе. У лифта решили перекурить. На площадке, как всегда, собралась весёлая компания студентов и молодых сотрудников. Там же был и Олег. Он давно паялился на Варвару. Даже просил Хелю замолвить за него словечко. Знакомство состоялось, но дальше этого не

пошло. Олег был аспирантом последнего года. Высокий сутулый и лысый. Он никак не запомнился Варьке. Да и голова её была забита, кроме учёбы, только думами о Никите. Он продолжал часто ей сниться. Вот они идут навстречу друг-другу. Кит протягивает ей руку. Варя кладёт свою руку на его раскрытую ладонь и опять просыпается с ощущением счастья. Порой Варя смотрела по сторонам и не видела никого, кто мог бы встать хотя бы рядом с ним, не говоря уже, вместо него. Вот и сейчас Олег суетливо протянул зажигалку. Варя, не глядя, прикурила и отошла к противоположной стене. Хеля сделала «страшные» глаза, давая понять Варе, чтобы та проявила внимание. Но Варя задумчиво уставилась в потолок, делая вид, что не замечает намёков старшей подруги.

– Что тебе трудно улыбнуться, или поговорить с ним, – шипела Хеля, спускаясь по лестнице.

– Знаешь, может он и умный, и перспективный, но он никакой. У него даже внешность как будто смазанная.

Хеля безнадежно махнула рукой. После незапланированного перекура девчонки спустились в подвал к стеклодувам. Василь Василич колдовал над очередным стеклянным прибором весьма сложной конфигурации. В мастерской, как всегда, было жарко от работающих горелок и расплавленного стекла. Как всегда, пахло соляной кислотой. Громко шумела вентиляция. В шкафчике на полке с готовой посудой стояла и знакомая склянка из-под известного «продукта». Василь Василич снял защитные очки с синими стёклами и посмотрел на девчонок:

– Если что, приходите сразу. Хороший продукт. – Затем, удовлетворенно хмыкнув, добавил, – ёлочкой пахнет.

Вот это был «номер»! Такой похвалы качеству сомнительного «продукта» не ожидала даже Хеля.

Вообще работа в Университете скучать не давала. По вечерам тёплой компанией собирались на одной из кафедр отметить чей-нибудь день рождения или устроить незапланированную вечеринку. Иногда, чтобы не возвращаться домой, Варя оставалась ночевать у знакомых девчонок в общежитии Главного здания, где поводов для таких вечеринок было достаточно. По субботам в каком-нибудь из многочисленных молодёжных клубов проходили собрания иностранных землячеств с танцами и лёгким буфетом. В кинозале крутили фильмы из серии «Классика мирового кино», выступали известные артисты и участники самодеятельности МГУ. Особенной популярностью пользовались университетский молодёжный театр и ансамбль народного танца «Сувенир», в котором блистала Хеля.

Глава 9

И, тем не менее, Варя всё время ждала звонка от Никиты. Но звонил он редко. Чаще звонила она, предлагая куда-нибудь сходить или встретиться с ребятами из класса. Кит реагировал слабо. Обычно они встречались за игрой в преферанс. Компания собиралась мало-знакомая, какие-то девицы со странными наклонностями. Мужеподобные особы клеились с вполне конкретными намерениями. Варя всё реже и реже забегала на эти сборища. А вскоре совсем потеряла к ним интерес. Последний раз она виделась с Китом полгода назад. После этой встречи остался неприятный горький осадок. Причину она понять не могла. Вроде бы всё было, как всегда, но горечь не уходила.

В один из чудесных зимних предновогодних вечеров Варя в задумчивости стояла на «распутье» у входа в универмаг «Москва», размышляя куда пойти: на занятия в институт или вернуться в Университет и переночевать в общежитии у девчонок с химфака. В «Москву» она часто забегала по всякой мелкой надобности, тем более что универмаг находился почти напротив «керосинки». Сейчас она уже не помнила, зачем, собственно, пришла. Поразмыслив ещё, она всё же решила зайти. Настроение было минорное, учиться не хотелось. Крупные снежинки мягко падали на плечи, таяли на волосах и лице, навевая грусть. Варя решила побродить по магазину в надежде купить что-нибудь полезное, например, хороший кофе в зёрнах и, прямо там, на большой кофемолке, его смолоть. Она толкнула стеклянную дверь и поняла, что дверь не поддается. Недоумённо подняв глаза, за стеклом она увидела симпатичного парня, который, улыбаясь, придерживал рукой дверь, не давая Варе войти. Наконец дверь широко распахнулась. Варя хотела молча проскользнуть мимо, но парень, нисколько не смутившись, преградил ей дорогу и предложил где-нибудь посидеть или хотя бы пройти с ним по Ленинскому проспекту.

Не заметить Варвару было трудно. Длинное ярко-красное пальто, отороченное по низу чёрным каракулем, и шапочка в форме таблетки из такого же меха, отделанная коричневой норкой, привлекали внимание не только московских модниц. Из-под надвинутой почти до бровей шапочки на спину спускались крутые светлые локоны, собранные в замысловатую причёску. Высокие, обтягивающие икры, сапоги подчёркивали стройность её ног. Да хороша она была, чего уж там!

Варя вообще пользовалась повышенным вниманием мужского пола. Не считая обычного приставания на улице, с ней пытались знакомиться и нестандартным способом. Чаще всего это происходило в метро. То на книгу, которую по старой школьной привычке она держала раскрытой на коленях, падала свёрнутая трубочкой бумажка с номером телефона. То в обмен на только что сделанный карандашный набросок её портрета, просили о свидании. Варя со всеми была приветлива и никогда не отказывала. Она просто изменяла одну цифру номера своего телефона. Но особенно своей комической нелепостью ей запомнился случай, когда солидный интересный мужчина умолял познакомиться с его сыном. Варе же больше понравился энергичный красавец папа – физик, чем его унылый недоросль.

Не пошла Варя на свидание и в этот раз. Не запомнив даже имени того улыбчивого парня, она, попросив его немного подождать, скрылась в «недрах» многоэтажного универмага. Минут через пятнадцать, убедившись, что парень терпеливо ожидает её на том же месте, Варя через боковой выход исчезла в темноте заснеженной улицы. Не пошла она и в институт, а, позвонив родителям, вернулась в университетское общежитие отсыпаться.

Варя почти не реагировала на частые знаки внимания. Незримо, между ней и каждым претендентом на её руку или сердце, стоял Кит. Весной прошел слух, что Кит женится. Только теперь Варя поняла, откуда взялась эта не проходящая горечь. Новость камнем легла на сердце. Кто избранница, откуда – она не знала, и знать не хотела. Но легче от этого не станови-

лось. «Вышибить клин клином» тоже не получалось. В груди был не «гранитный камушек», а «бетонный монолит».

Единственным человеком, кто знал о Вариных душевных терзаниях, была её закадычная подруга – Светка. Только с ней Варя могла поделиться самым сокровенным. Познакомились они «в керосинке» перед вступительным экзаменом по математике. У двери аудитории толпилась стайка абитуриентов. Светка просто подошла и спросила: «Как тебя зовут?» Почему она подошла именно к Варе, неизвестно, но с тех пор они не расставались. Даже к сессиям готовились вместе в Светкиной двухкомнатной коммуналке на Ленинском проспекте, в доме, в котором были, известные на всю Москву, железнодорожные кассы предварительной продажи билетов. С мамой и бабушкой они занимали самую большую комнату. Сосед не жил и, практически, это была большая однокомнатная квартира.

Их занятия проходили весьма специфически – сидя на подоконнике открытого окна, девочки жевали свежие огурцы с чёрным хлебом, глазели с третьего этажа на весенний Ленинский проспект и «трепались за жизнь».

Если Варька училась прилично, то Светка ни одного экзамена не сдавала без шпаргалок. Чаще всего она действовала по одному из двух принципов: первый – если экзаменатор женщина, то Светка шла одна из первых, чтобы если «вышибут» – то сразу и не терять время на ожидание своей очереди; второй, если преподаватель мужчина, то Светка приходила на экзамен к концу и была последней. Это давало ей возможность полностью раскрыть своё очарование и обаять слабую мужскую натуру любого возраста. Без тройки она никогда не уходила.

В учёбе Светка была не только ленива, но и туповата, зато с лихвой брала внешностью. Высокая, прямая, белокожая, с копной пшеничных, коротко стриженных волос и идеально прямыми длинными ногами – она очень нравилась мужчинам, особенно евреям. В прошлом она была фигуристкой и даже занимала призовые места по Москве в одиночном катании. Может быть, поэтому Светка не ходила, а носила себя медленно и с достоинством. Если они куда-то спешили, то Варя постоянно дёргала Светку, пытаясь заставить её идти быстрее, но это не помогало. Было впечатление, что при увеличении скорости её длинные ноги переставали слушаться и начинали спотыкаться и заплетаться. Кроме того, Светка активно пользовалась косметикой и без «боевой раскраски» не выходила из дома.

Светкина речь была такой же степенной, как и походка. Варьку она называла жёстко и повзрослому, особенно в серьёзных случаях – Варвара. Когда они шли рядом, Светка на каблуках была почти на голову выше подруги. Но что-то было в них общее, что и скрепляло их дружбу.

Сегодня была Светкина очередь исповедаться. Они сидели в пустой институтской аудитории, и Варька с грустью слушала историю о ночных приключениях подруги. Светка монотонно бубнила, вперившись глазами (без косметики!) в пустой стол. Глаза были грустные, обведённые синеватым ореолом усталости.

– Ну вот. После ресторана я собралась домой. Он сказал, что проводит. На улице взяли «тачку». Всю дорогу он лез обниматься. Он, конечно, мужик ничего, но я с ним ничего не собиралась иметь, тем более что у меня «эти дела». Потом смотрю, мы едем не в ту сторону. Пьяной я не была, хотя шампанского выпили достаточно. Я же не собиралась ни к кому ехать. В машине меня начало «развозить».

– Чего ж ты молчала? – Прервала Варя грустное повествование.

– Да ну тебя. Тебя бы на мое место, – огрызнулась Светка. – Он начал уговаривать поехать к нему послушать музыку и выпить хорошего коньяку. Начал целовать руки.

«До чего же банально, – думала Варя. – Все это уже было в приснопамятной деревне Могильцы». Ей было очень жаль непутёвую Светку.

– Ну, дальше.

– Дальше мы приехали к нему. Хорошая квартира. Он сказал, что живёт один. Сели за столик. Я и так уже плохо соображала, а тут коньяк. Хватило одной рюмки. Развезло окончательно.

На глазах Светки появились слёзы и быстро закапали на пустой стол. Она достала платок, и, уткнувшись в него и тихо всхлипывая, на несколько минут замерла. Варя терпеливо ждала, пока та успокоится.

– Я пыталась сопротивляться, но он просто заломил мне руки. Его не смутило даже то, что у меня были «эти дела». Ну, в общем, я уже не девица. Не думала, что это будет именно так и именно со мной, – закончила Светка свою грустную повесть. Варька не нашла ничего лучше, как задать совершенно идиотский вопрос:

– Ты хоть что-то почувствовала?

Она спросила так, потому что своего опыта в этих вопросах ещё не имела. Светкино лицо сразу потемнело и как будто съёжилось.

– Знаешь, очень было больно и просто омерзительно вдруг почувствовать на своём теле что-то незнакомое, – выдавила она. – У меня ощущение, что меня вываляли в грязи. Я всё утро отмывалась.

Подруги были всегда очень откровенны друг с другом и никогда ни с кем не делились своими общими тайнами. В душе Варя немного завидовала фантастическому успеху Светки у мужчин. Но это не была чёрная зависть. Каждому своё. И сейчас у неё не было ни тени злорадства, а лишь острое сочувствие и понимание. И тем не менее, Варя укоризненно произнесла: «Дофлиртовалась. Говорила, допрыгаешься». Это было сказано без злобы и упрёка, скорее от собственного бессилия, невозможности помочь ей, или что-либо исправить. Светка не обиделась, а только прошелестела: «Ты права».

Это совершенно сломило Варьку, и она начала утешать свою незадачливую подругу и уговаривать забыть всё, как страшный противный сон. На носу весенняя сессия. Нужно сосредоточиться. Пора писать шпаргалки. Но Светка сидела бледная, поникшая, с болезненной синеваой вокруг глаз и совершенно потерянная. Сессию она завалила. На осень остались два «хвоста». Варя благополучно перешла на следующий курс.

Глава 10

В начале июня у охотничьего зимовья на высоком берегу реки Нюя вертолёт высадил группу молодых геологов и практикантов из Московского нефтяного института. Ребята, затащив тюки с продуктами и оборудованием в лёгкую пристройку, затопили печь и сели обедать. Неожиданно, небо потемнело, свинцовые тучи повисли над самыми макушками елей. Поднявшийся ветер сначала прошёлся над тайгой, слегка задев верхушки деревьев. Потом холодные вихри закрутились ниже и начали ломать и швырять вниз сухие ветки. Через пятнадцать минут ураган разбушевался вовсю. С ливнем и градом он нёсся над самой землёй, вырывая с корнем вековые сосны и ломая, как спички, стволы молодых осинок. Светопреставление длилось не больше двадцати минут. Когда всё успокоилось, и геологи вышли наружу, на чистом голубом небе опять сияло яркое солнце. Но тайга вокруг зимовья представляла печальное зрелище. Деревья, стоявшие над самым обрывом, исчезли вместе с огромным куском отвалившегося берега. Край леса был похож на гигантский лесоповал. Искорёженные деревья в хаотическом беспорядке лежали друг на друге.

Люди подошли к краю обрыва. Вода в реке из-за ливня сильно поднялась. Бурное течение несло расщепленные стволы. У переката поток закручивался в водоворот, в котором вертелись острые, словно пики, обломки сучьев.

– Смотрите, кошка на дереве, – закричал самый молодой из геологов – практикант Колька. Студент был в экспедиции первый раз, и ему всё казалось в диковинку. Ребята посмотрели в направлении, куда указывал парень. Саша поднял бинокль – на толстом стволе, намертво вцепившись когтями в дерево, распласталась раненая рысь. Бревно, задевая о камни и торчащие коряги, несло к перекасту. Прихватив багры и кусок брезента, все бросились по крутому склону вниз. Подоспели вовремя. Бревно попало в затор и, пока разворачивалось, ребята успели подцепить его баграми и подтащить к берегу.

Рысь не подавала признаков жизни. Из распоротого окровавленного бока торчали рёбра. Рассечённая между ушей кожа продолжала сочиться кровью, заливая глаза и морду. Только подрагивание конечностей говорило, что рысь ещё жива. Прихватив на всякий случай ремнём передние лапы, животное на брезенте вынесли наверх и перед зимовьем положили на стоящий под навесом стол. Израненная рысь едва дышала.

– Ну что, будем лечить, или пусть живёт, – невесело пошутил кто-то из ребят. Иван Никанорыч – начальник партии, строго посмотрел на шутника:

– Сделаем что сможем, а там – как Бог даст. Тащите спирт, воду, тряпки. Кипятите ножницы, вскрывайте аптечки и быстро.

В геологических экспедициях бывало всякое. Руководителю группы Никанорычу – опытному геологу – не раз приходилось вправлять вывихи, лечить раны, простуды после «купания» в ледяной воде, даже лечить птиц, но хищников – не приходилось.

– Мужики, кто крови не боится – вперёд, – скомандовал начальник.

Из верёвки сделали подобие намордника и стянули кошке челюсти. Обе передние лапы оказались сломаны. Самое трудное и важное – правильно соединить кости и наложить шины. Делать это надо быстро, пока рысь не очнулась. Но раны были настолько серьёзные, что сил для сопротивления у неё не было. А может недаром говорят, что животные, чуя близкую гибель, сами приходят к людям за помощью. Одним словом, рысь лечению не мешала.

Раны взялся зашивать Саша. Почему он решился на это, он и сам не смог бы ответить. Но ведь кто-то должен был это делать. Начинало темнеть. Обмытое животное перенесли в дом. На столе при свете керосиновых ламп и электрических фонарей он выстригал шерсть и зашивал большой «цыганской» иглой разъехавшуюся шкуру. «Ассистировал» молодой бесшабашный Колька. Рысь лежала неподвижно, только изредка подёргивались уши с чёрными кисточками

на концах. Руководил процессом Никанорыч. Он с Володькой держал рысь за ноги, пока Саша накладывал шины, а Колька бинтовал лапы. Поочередно выходили нервно курить, потом возвращались и молча смотрели, как работают ребята. Наконец, Саша вытер руки и произнёс:

– Всё. Чем могу.

Рысь перенесли в закут, где обычно хранили продукты. Под брезент подстелили лапник. Сверху накрыли чистой мешковиной и оставили зверя в покое.

Утром Саша заглянул в закут. Рысь лежала в том же положении и тяжело дышала. В разведённую сгущёнку, ребята натолкли таблеток и влили ей в пасть. Рысь, как будто поняла, чего от неё хотят, покорно проглотила несколько ложек, закрыла глаза и затихла. Каждый час кто-то из ребят поил её молоком. Потом отпаивали бульоном из дичи. Первое время геологи, возвращаясь из тайги, со страхом открывали дверь в закут, боясь увидеть мёртвое животное. Но каждый раз, услышав скрип двери, рысь открывала глаза. Назвали её просто – Машка.

Через месяц Машка с трудом стала подниматься на передние искалеченные лапы и есть сама. Швы давно сняли, но раны заживали медленно. Машка не выказывала особой дружбы, правда, и агрессии не проявляла. Со временем люди совсем перестали её бояться. Она спокойно давала обрабатывать раны, как будто понимала, что вреда ей не причинят. Пока была слаба, ела из рук. Окрепнув – перестала и ела только из миски.

Через два месяца с передних лап сняли шины. Она осторожно встала и, прихрамывая, прошла по закуту. Потом легла и уснула. Ещё через неделю Машка уверенно передвигалась по тесной коморке. Можно было выпускать её на волю. Шерсть почти отросла. Осталась небольшая залысина между ушами, но и это было делом времени. Единственным заметным дефектом, оставшимся после многочисленных травм, было надорванное веко. Хорошо, что уцелел глаз.

Два дня Машка свободно выходила из закута и возвращалась обратно. На третий – она не вернулась. Геологи были очень расстроены. Они сомневались, что рысь сможет жить в тайге одна. Оказалось, сможет.

Обычно, первым вставал начальник партии Никанорыч. Поднимал ребят и объявлял план работы на текущий день. В этот раз первым оказался Колька. Он открыл дверь и тут же захлопнул. Разбуженные шумом геологи недовольно зашикали. Но Колька начал всех тормошить и просить выглянуть за дверь. Никанорыч вышел посмотреть, что случилось. В метре от двери лежал большой, ещё тёплый, тетерев.

– Что за ерунда! У него откушена голова.

На следующий день повторилось то же самое. Так продолжалось несколько дней, приводя в недоумение людей, пока однажды Саша не увидел Машку. Она сидела в отдалении и наблюдала за ним. Как только Саша поднял тушку, Машка в один прыжок исчезла между деревьев.

Так и жили. Каждое утро перед дверью они находили дичь. Машка дожидалась, пока её подберут, после чего исчезала в тайге. Было впечатление, что спасённая рысь в благодарность взяла над ними «шефство». Днём Машка к жилью не подходила, но ребята всё время чувствовали её присутствие.

Наступала осень. Полевой сезон подходил к концу. Осины пожелтели первыми и судорожно трепетали листочками на тонкой жилке. Они вертелись то одной, то другой стороной, будто ловили последние тёплые лучи остывающего солнца. Все так привыкли к четвероногой охотнице, что с грустью думали о расставании.

В сентябре выпали первые заморозки. Геологи начали готовиться к отъезду. Впервые Машка вышла из тайги и подошла к самому зимовью. Она сидела в нескольких метрах от навеса, под который её принесли в первый раз, и наблюдала за суетой около избушки. При чьей-нибудь попытке подойти к ней, рысь отбегала на несколько метров и садилась опять.

Вертолёт прилетел утром. Пока ребята грузили ящики, мешки, рюкзаки, Машка сидела на том же месте, что и накануне. Перед самым отлётом Саша вынес миску с разведённой сгущёнкой, поставил под навесом и пошёл к вертушке. Вертолёт застрекотал и оторвался от земли.

Машка, до этого сидевшая неподвижно, в один прыжок оказалась около машины и, будто взлетев, вцепилась в перекладину под брюхом вертолѐта. Вертолѐт, с болтающейся внизу Машкой, поднялся выше. Ребята замахали пилоту руками, требуя посадки. Но сажать было нельзя. Можно было искалечить рысь. Вертолѐт на небольшой высоте начал медленно кружить над поляной, ожидая, когда Машка устанет и сама спрыгнет на землю. Наконец, она отцепилась и кубарем покатила по жухлой траве. Поднявшись, Машка подошла к миске с молоком и села рядом. Она сидела неподвижно и, подняв голову, смотрела на удаляющуюся “птицу”. Геологи молча махали ей руками. Колька не удержался и заплакал.

– Не плачь. Это не самое страшное расставание, – усмехнулся пилот. – Бывает значительно хуже. Уж поверь мне.

Сидящая Машка, с поднятой вверх мордой, превратилась в точку, потом исчезла совсем. Кругом теперь была только бескрайняя тайга. Саша мысленно согласился с пилотом: бывает и хуже.

Глава 11

В конце лета 1980 года Варя, в очередной раз, поехала к Тине. Познакомились они в лаборатории опытного завода, где в самом начале своей трудовой деятельности Варя попала с ней в одну смену. Тина, из московских обрусевших армян, работала там давно, была беременна и ждала второго ребёнка. Лет на восемь старше Вари, она как-то незаметно прилепилась к молоденькой девчонке. В свободное время Тина подсаживалась к новенькой и расспрашивала её о жизни, учёбе, родителях. Сама делилась своими заботами и отличалась резкостью суждений в вопросах внешней политики. Перед декретом Тина пригласила Варю в гости, а потом предложила заходить при любой возможности. С этого дня Варя стала частой гостьей в их семье.

Карен – муж Тины – был музыкант – первая скрипка в симфоническом оркестре кинематографии под управлением Хачатуряна. Оркестр часто ездил на гастроли. Тина оставалась одна. Иногда к ней приходила мама, но этого было недостаточно. Варя вносила свежую струю в их семейную жизнь. Её лёгкий жизнерадостный характер нравился Тине. Она и сама была хохотушкой и довольно ехидной особой. Кроме того, Варя помогала управляться с двумя шумными малышами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.